

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

"За нарушение надзора". Как силовики не дали уехать из страны политзеку Ивану Любшину

29 сентября 2026

Иван Любшин

Калужский районный суд начал заново рассматривать дело Ивана Любшина за попытку покинуть Россию. 29 сентября ему должны были вынести приговор, но теперь рассмотрение дела начнется заново и уже не в особом порядке. При рассмотрении в особом порядке суд выносит приговор без исследования доказательств, а максимальное наказание не может превышать двух третей максимального срока наиболее строгого вида наказания.

Любшина судят по обвинению в уклонении от административного надзора: после освобождения из колонии он попытался уехать из России. Иван собирался получить в посольстве Франции в Ереване одобренную ему гуманитарную визу, но до Армении не добрался: в аэропорту Минска его задержали белорусские пограничники и передали российским силовикам. Российское государство все чаще не отпускает на свободу даже тех, кого выпускает из колоний.

Первый срок – пять лет и два месяца – Любшин получил в 2020 году за несколько комментариев о взрыве в архангельском управлении ФСБ. Он отбыл его полностью и **вышел из ярославской колонии 28 марта 2025 года**. Но вместе с освобождением суд назначил ему еще восемь лет административного надзора: запретил ночью выходить из дома, покидать Калужскую область без разрешения полиции и посещать массовые мероприятия.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Убийцам дают меньше". Пять лет колонии за "оправдание терроризма"

Спустя год свобода Любшина уместалась между шестью утра и десятью вечера, в пределах одного региона. Легально эмигрировать, не нарушив требований надзора, он фактически не мог. За попытку сделать это его судят по части 1 статьи 314.1 УК – как за уклонение от надзора.

– Иван согласился с обвинением в том смысле, что нарушил административный надзор. По факту его судят за попытку покинуть Россию, эмигрировать во Францию. Попытка не удалась. А юридически – за нарушение надзора. Он этого не отрицает, – рассказывает Сергей, житель Калуги и близкий знакомый Любшина (*мы не называем фамилии собеседников в целях их безопасности – СР*).

|"Какой нафиг розыск?"

Готовиться к эмиграции Любшин начал почти сразу после освобождения. Правозащитники помогли ему собрать документы для гуманитарной визы. Получить обычный загранпаспорт он не смог, но французская сторона была готова выдать ему *laissez-passer* – временный проездной документ. Сделать это можно было в посольстве Франции в Ереване.

– Правозащитники начали составлять его кейс, расспрашивали о жизни и о том, что с ним случилось. Сначала сказали делать загранпаспорт. Паспорт ему не дали, но французское посольство было готово выдать *laissez-passer* – проездной документ вместо загранпаспорта. Сделать это можно было в Ереване, а в Москве нельзя, – говорит Сергей.

В марте 2026 года Любшину назначили встречу в посольстве, однако он попросил ее перенести. Ехать через Москву боялся из-за городских камер распознавания лиц, а дорога в Беларусь на машине еще была занесена снегом.

– Ему предлагали ехать в Москву, оттуда поездом в Минск. Но Иван отвечал: "Да вы что! Меня в Москве сразу прикурят. Сработают все умные камеры. Я токсичный, мое имя токсичное, да еще и билет Москва – Минск". Он мог ехать только частным порядком – на BlaBlaCar или с отцом, – рассказывает Сергей.

Новую встречу в Ереване назначили на 6 мая. У Любина уже были билет из Еревана в Париж и бронь гостиницы. Вечером 1 мая отец повез его на машине в Национальный аэропорт Минска. Из России в Беларусь Любин въехал по внутреннему паспорту. Билет на самолет ему покупал незнакомый человек за границей.

– Иван думал, что максимальный риск – его просто развернут: "Тебе нельзя, извини". Тогда он сел бы в машину и поехал обратно. Он не ожидал, что все будет так серьезно, – говорит Сергей.

На паспортном контроле документ Любина посмотрели по очереди несколько пограничников. Затем сотрудница вышла из кабины с его паспортом и попросила подождать. Любину сказали, что Россия объявила его в розыск.

– Иван удивился: "Какой нафиг розыск? Я ни в каком розыске не состою". Ему ответили: "Надо разбираться, у нас что-то сработало", – рассказывает Сергей.

Сначала его передали белорусской милиции. Ночь он провел в камере при аэропорте. Утром 2 мая за ним приехали люди, которых Любин считает сотрудниками белорусского КГБ.

– Иван рассказывал, что везли его жестко: шапку натянули на голову, надели наручники, к наручникам прикрепили какую-то 32-килограммовую гирю. На границе Беларуси и России его передали калужским оперативникам, – говорит Сергей.

3 мая в Калуге Любина допросили по уголовному делу об уклонении от надзора. Он признал, что намеревался уехать из страны, и показал силовикам переписку с французским посольством. По его словам, он боялся, что ему попытаются приписать намерение уехать в Украину.

Телефон у Любина забрали еще белорусские силовики. Российские оперативники требовали пароль, но он отказался его назвать.

– Силовики говорили ему: "Зачем? Сказал бы пароль – и все. А теперь телефон придется взламывать". Иван отвечал, что раскроет конкретную переписку по решению суда, но не даст доступ ко всему телефону: "Там живые люди, у них

конституционные права". Ему угрожали СИЗО, а он сказал: "Я не первоход, мне такое рассказывать. Переставай", – пересказывает Сергей.

После допроса дома у Любшина провели обыск. Отец передал оперативникам документы о гуманитарной визе: справку "Мемориала" о признании сына политзаключенным, анкету для посольства, билет Ереван – Париж и бронь гостиницы. Иван рассчитывал, что теперь его отпустят под подписку о невыезде. Вместо этого на него составили протокол о мелком хулиганстве.

По версии полиции, уже после освобождения из отдела Любшин ругался матом, приставал к прохожим и не реагировал на замечания. Сам он утверждает, что ни на минуту не оставался без наблюдения силовиков. Суд назначил ему 12 суток административного ареста.

– Утром Иван ознакомился с протоколом и спросил дежурного: "Я этого не делал. Что такое?" Тот ответил: "Мы знаем. Надо было тебя как-то оформить, потому что просто так здесь держать нельзя". Ивану сказали, что его задержали по просьбе сотрудников ФСБ: "Надо тебя чуть-чуть подержать". В административный суд его повезли вместе с пьяницами и хулиганами. Тем дали по пять суток, а ему – двенадцать. Все праздники он провел в этом полицейском "хостеле", – рассказывает Сергей.

|"Почти без выбора"

В октябре 2018 года 17-летний анархист Михаил Жлобицкий взорвал себя на проходной управления ФСБ в Архангельске. Он погиб, трое сотрудников ведомства получили ранения. После взрыва в разных регионах России начались уголовные дела из-за публикаций и комментариев о поступке Жлобицкого.

Любшину вменили две записи во "ВКонтакте": "Принес в здание архангельского ФСБ бомбу 17-летний парень. Он погиб. Он герой!" и "Человек дня, человек недели (как минимум)". Сам он объяснял, что называл Жлобицкого героем новостей, а не героем в положительном смысле. Однако 5 марта 2020 года Второй Западный окружной военный суд приговорил его к пяти годам и двум месяцам колонии общего режима за публичное оправдание терроризма в интернете.

А задержали Ивана еще 15 октября 2019 года. Он утверждал, что сотрудники ФСБ вывезли его в лесополосу, били руками, ногами и электрошокером, требуя признать поддержку терроризма. В день задержания врачи зафиксировали у него кровоподтеки на ухе, руках, пояснице, ребрах, плечах, голени и грудной клетке. Российские следственные органы отказались возбуждать дело против силовиков. В

2024 году Европейский суд по правам человека присудил Любшину 26 тысяч евро компенсации, признав нарушение его прав.

"Твердое желание уехать из России сформировалось у меня еще в 2019 году, когда сотрудники ФСБ били и пытали меня при задержании, – написал Любшин в последнем слове по новому делу (*текст есть в распоряжении редакции – СР*). – В марте 2020 года мне дали пятилетний срок за выражение мнения, которое они посчитали "оправданием терроризма". Российские суды не оправдали меня, но оправдали избивавших меня. Однако Европейский суд по правам человека все же принял решение, что мои права были нарушены".

Правозащитный центр "Мемориал" признал Любшина политическим заключенным, назвав лишение свободы явно несоразмерным его действиям. В колонии Любшина неоднократно отправляли в штрафной изолятор и помещение камерного типа, ужесточали условия содержания. Освободился он только после полного отбытия срока.

"Желание уехать из России навсегда утвердилось у меня, когда я сам столкнулся с жуткой несправедливостью и ужасом российской пенитенциарной системы, которая является вовсе не исправительной, а карательной, – говорится в его последнем слове. – И передо мной уже не стоял выбор: уехать или не уехать. Это сформировалось у меня подсознательно. Почти без выбора".

|"Нынешние репрессии – ерунда"

Решение об административном надзоре Заволжский районный суд Ярославля вынес еще до освобождения Любшина – 2 декабря 2024 года. Надзор назначили на восемь лет, то есть до погашения судимости по "террористической" статье. Все это время Любшин должен был ежемесячно отмечаться в полиции, не выходить из дома с 22 до 6 часов, не покидать Калужскую область без разрешения и не посещать массовые мероприятия.

Восемь лет надзора – не исключительный срок, придуманный для Любшина. С 2017 года закон требует назначать административный надзор независимо от поведения в колонии людям с непогашенной судимостью по целому перечню "террористических" и "экстремистских" статей, включая статью 205.2. Надзор длится до погашения судимости – в случае тяжкого преступления восемь лет после освобождения.

Такой же восьмилетний надзор, например, назначили бывшему политзаключенному Ивану Асташину. В 2026 году адвокат Валерия Ветошкина в

разговоре с "Мемориалом" назвала административный надзор по политическим делам "скорее правилом, чем исключением".

Административный надзор в России формально считается не продолжением наказания, а профилактической мерой. Но для Любина режим колонии после освобождения распался на множество бытовых запретов. Из-за включения в перечень Росфинмониторинга он не может пользоваться банковской картой и свободно распоряжаться деньгами на счете. Официальное трудоустройство тоже стало для него затруднительным.

Бывший политзаключенный Иван Любин, Калуга

– У Ивана "заколдованный" счет. Чтобы получить зарплату, перевод должен прийти с пометкой "зарплата". Потом он идет в Сбербанк, пишет заявление и на следующий день получает разрешение снять деньги – не больше 20 тысяч в месяц. Карты нет, только номер счета. Чтобы получить деньги, надо приходить в банк с паспортом, а оплачивать покупки прямо со счета почти невозможно, – говорит Сергей.

"Как-то у меня по случайности получилось устроиться на завод слесарем, но через неделю служба безопасности потребовала моего увольнения, начали

терроризировать меня и мою начальницу, – написал Иван в последнем слове. – И как же удивилась моя начальница, когда узнала, что за комментарии, то есть за выражение своего мнения, меня лишили свободы на пять лет, да еще назначили надзор на восемь лет".

После суда Любшин [рассказывал](#) журналистам, что служба безопасности пыталась добиться его увольнения через начальницу. По его словам, от нее требовали подбросить водку в его шкафчик. Начальница отказалась, но сам Любшин согласился уволиться.

Незадолго до назначенного на 29 сентября оглашения приговора, когда Любшин в очередной раз пришёл в банк, выяснилось, что его внутренний паспорт недействителен: из него вырваны страницы 9–12. Любшин [рассказал RusNews](#), что после задержания документ побывал у белорусских пограничников, милиционеров и сотрудников КГБ, а затем у российских силовиков. Он считает, что страницы вырвали российские пограничники вместе с калужскими оперативниками – чтобы он "больше не сбежал".

В июне свободу Любшина измерили буквально по минутам. Согласно постановлению мирового судьи (копия есть в распоряжении редакции), полиция сочла, что камера наблюдения на Тарутинской улице зафиксировала Любшина вне дома с 23:55 14 июня до 00:06 15 июня. Эти 11 минут стали новым нарушением ночного запрета.

Сам он вину не признал и утверждал, что на видео был другой, похожий на него человек. Отец Любшина Виктор рассказал суду, что сын весь день находился дома: они смотрели телевизор в разных комнатах, Иван лишь периодически ходил на кухню. Отец признал, что не может уверенно определить человека на записи.

Суд назвал показания Виктора Любшина недостоверными, поскольку он близкий родственник и "непосредственно заинтересован в исходе дела". Объяснение самого Ивана о похожем человеке суд расценил как "избранный способ защиты". За 11 минут предполагаемого отсутствия мировой судья М. Кучер назначила ему 13 суток административного ареста.

Это было уже повторное нарушение: в декабре 2025 года Любшина оштрафовали на тысячу рублей по части 1 статьи 19.24 КоАП. Новые протоколы мешают добиться досрочного прекращения надзора и повышают риск нового уголовного преследования. Чтобы полностью снять надзор досрочно, закон требует прожить под ним не менее половины срока – в случае Любшина четыре года – добросовестно соблюдая все запреты и имея положительные характеристики.

– Иван говорит, что нынешние репрессии – ерунда, развлечение по сравнению с тем, что он уже испытал, – рассказывает Сергей.

|"Он решил, что никому его надзор не нужен"

Российский закон разрешает человеку под административным надзором попросить полицию о краткосрочном выезде за установленные судом пределы. Но перечень допустимых причин закрыт: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, лечение, стихийное бедствие, учеба, вступительные экзамены и некоторые действия, необходимые для трудоустройства.

Гуманитарной визы, получения убежища или постоянной эмиграции в этом перечне нет. Любшин мог попросить МВД о разрешении на поездку в Ереван, а затем обжаловать отказ. Он мог также обратиться в суд с просьбой отменить запрет покидать Калужскую область. Даже в случае успеха эмиграции сам надзор сохранился бы: Любшин по-прежнему был бы обязан отмечаться в российской полиции и сообщать ей о месте проживания. Перенести надзор во Францию, увы, невозможно.

Чтобы законно эмигрировать, бывшему политзеку сначала пришлось бы несколько лет безупречно выполнять режим, от которого он хотел спастись. Попытка выехать закончилась новым уголовным делом.

– Сначала с административным надзором все было спокойно: Ивана не тормозили, он отмечался раз в месяц – и все. Его должны были проверять после десяти вечера, но не проверяли. Осенью он рассказывал, что по работе почти доехал до Тулы, разговаривал по обычному телефону – и никто ничего не заметил. Поэтому, мне кажется, он решил, что никому его надзор не нужен, – говорит Сергей.

Любшин знал, что нарушает запрет, и оценивал риск задержания как "пятьдесят на пятьдесят". Он надеялся, что российские силовики предпочтут закрыть глаза и позволят бывшему политзаключенному уехать из страны.

– Иван считал себя для силовиков слишком токсичным. Он надеялся, что ему дадут улететь и исчезнуть, но не дали. Ему казалось, что государству самому было бы удобнее избавиться от человека из списка Росфинмониторинга, – рассказывает знакомый политзека.

В Советском Союзе некоторых известных политзаключенных обменивали, лишали гражданства или высылали за границу. Российская система в истории Любшина действует иначе: назначенное судом наказание закончилось, но государство

продолжает удерживать человека внутри страны, контролировать его передвижения, жилье и деньги. Самовольный выезд становится не способом прекратить отношения с государством, а новым преступлением.

| "Приду с вещами"

После возвращения из Беларуси Любшин остался на свободе под подпиской о невыезде. В суде он признал нарушение надзора, до 29 сентября дело рассматривалось в особом порядке.

Иван Любшин

В суде огласили отрицательную характеристику Любшина из ярославской колонии. "Последние полтора года я сидел на строгих условиях: год в помещении камерного типа и полгода в отряде строгих условий. Меня заранее предупредили, что из-за статьи последние полтора года проведу на строгих условиях, хотя до этого были и поощрения", – рассказал Любшин после заседания.

– Иван дал признательные показания. В том, что зачитал прокурор, были мелкие ошибки, а в остальном все верно. Адвокат представила положительные характеристики с места жительства и работы, справку из центра занятости и документы о выплате алиментов, – говорит Сергей.

На одно из последних заседаний Любшин пришел с собранными вещами, рассчитывая, что приговор огласят в тот же день и его возьмут под стражу. Прокурор попросил семь месяцев колонии строгого режима. Судья отложила заседание.

– Иван пришел с вещами. Дело рассматривают в особом порядке, обычно это занимает 15-20 минут. Он думал, что сразу произнесет последнее слово, суд огласит приговор и его возьмут под стражу. Но заседание отложили, поэтому в следующий раз он собирался прийти без вещей, – рассказывает Сергей, который внимательно следил за всем ходом процесса.

"Такое ощущение, что мне дают возможность попробовать еще раз убежать. С белорусами не получилось – еще раз получится. Но я проанализировал: в этом нет смысла. Тогда придется ждать конца административного надзора – до 2033 года, а

может быть, его еще продлят", – сказал Любшин после заседания суда, когда последнее слово и оглашение приговора перенесли с 7 сентября на 29-е. О переносе ходатайствовал сам обвиняемый – из-за болезни адвоката.

В последнем слове Любшин сравнил решение уехать с отказом от курения в большом городе: выхлопных газов человек избежать не может, но нет необходимости дополнительно отравлять себя добровольно.

|"Выйти – не значит освободиться"

– К сожалению, эвакуация человека, которому избрана мера пресечения или установлен административный надзор, – это всегда риск. Если человека поймают, почти всегда последует более строгая мера или уголовное дело, как в случае Ивана. Гуманитарные визы и другие документы никак не влияют на ограничения, наложенные российским следствием или судом, и не снижают этих рисков, – говорит юрист и основательница проекта помощи российским эмигрантам "Ковчег" [Анастасия Буракова](https://kovcheg.live/about/).

По словам его знакомых, планируя выезд за гуманитарной визой, Иван Любшин прибегал к помощи одной из организаций, занимающихся вывозом россиян за границу (это был не "Ковчег"), однако дистанционные советы – не самый эффективный инструмент в случае пристального интереса силовиков.

Анастасия Буракова

– Поэтому каждый сам решает, готов ли он на такой риск. Партнеры "Ковчега" из организаций, которые занимаются эвакуацией, делают огромную работу: помогают проложить безопасный маршрут, находят контакты, сопровождают человека на всем пути до безопасного места. Но с другой стороны – целый репрессивный аппарат, силовые структуры, которые делают свою работу в обратном направлении, – продолжает Буракова.

В случае Любшина новое уголовное дело появилось уже после освобождения. Других политзаключенных государство не выпускает из заключения вовсе: новые уголовные дела возбуждают еще в колонии или сразу после окончания прежнего срока.

Математика [Азата Мифтахова](#) в сентябре 2023 года задержали прямо при выходе из колонии, где он отбыл шестилетний срок. Новое обвинение в оправдании терроризма возникло из-за разговора с двумя заключенными: по версии следствия, Мифтахов одобрительно высказался о поступке Михаила Жлобицкого, взорвавшего себя в здании архангельского управления ФСБ. По второму делу Мифтахова приговорили еще к четырем годам лишения свободы.

Бывшему московскому муниципальному депутату [Алексее Горину](#) второе дело возбудили из-за разговоров с сокамерниками в тюремной больнице. Горин говорил, что заключенные провоцировали его на разговоры о политике под запись. В ноябре 2024 года его приговорили к трем годам строгого режима; по совокупности приговоров Горин должен был провести в колонии еще пять лет.

[Зарема Мусаева](#), мать чеченских оппозиционеров Абубакара и Ибрагима Янгулбаевых, должна была выйти на свободу весной 2025 года. Вместо освобождения ее стали судить по обвинению в нападении на сотрудника ФСИН во время этапирования из больницы, сама Мусаева вину отрицала. При повторном рассмотрении дела в марте 2026 года ее приговорили к трем годам и десяти месяцам колонии-поселения.

Регионы

Общество.Север